

Черные вороны 10. Нечестивцы

Автор:

[Ульяна Соболева](#)

Черные вороны 10. Нечестивцы

Ульяна Соболева

Черные Вороны #10

Стать женой самого страшного человека, который желает отомстить ее семье – это еще не самое ужасное, что могло произойти с Мариной Вороновой. Война между двумя мафиозными кланами, развал семьи, политические интриги могут навсегда разлучить ее с отцом, а в жизни Максима и Дарины все рушится...развод и жуткая пропасть разделит их казалось бы навсегда.(История Дарины и Макса Римейк ЛЗГ)

Ульяна Соболева

Черные вороны 10. Нечестивцы

Черные Вороны 10. Нечестивцы

Ульяна Соболева и Вероника Орлова

Аннотация:

Стать женой самого страшного человека, который желает отомстить ее семье – это еще не самое ужасное, что могло произойти с Мариной Вороновой. Война

между двумя мафиозными кланами, развал семьи, политические интриги могут навсегда разлучить ее с отцом, а в жизни Максима и Дарины все рушится...развод и жуткая пропасть разделит их казалось бы навсегда.

Глава 1. Карина

- Ты с ума сошла, глупая! Иди сюда!

Я вскрикнула, услышав громкий шепот позади себя. Чуть сердце от страха не остановилось. Напрягла глаза, резко обернувшись и пытаюсь разглядеть, чья фигура колыхается позади, в проёме одной из комнат. Кажется, рукой машет, подзывая, но мне так трудно сделать шаг назад. Когда у меня перед глазами только тёмный коридор впереди.

- Ну же, Карина!

Шёпот уже слишком нетерпелив. В нём недовольное цоканье, но мне плевать, что он там говорит. Мне нужно всего лишь пробежать быстренько вперёд, спуститься по лестнице вниз и выскочить из этого проклятого особняка. А там уже...

- Там же охрана, глупая! Они тебя не пристрелят, не надейся. Вернут снова. ЕМУ вернут!

Шёпот очень близко. Слишком. И, как только он замолкает, холодные, словно мёртвые пальцы обхватывают мои запястья и назад тянут.

- Пошли. Пошли ко мне, девочка.

Авра. Это точно Авра. Вялый мозг, кажется, заработал. Усиленно заработал.

- Пошли, я сказала!

Процедила сквозь зубы, утягивая в сторону, в свою комнату. А я поймала себя на мысли, что она будто ненавидит меня. Вот сейчас. Единственная живая душа в этом склепе, единственная, кто иногда позволял себе со мной общаться, кто иногда звал меня прочь от этих стен, в мнимую свободу сада, огороженного высоким забором. Она будто ненавидит меня в эту минуту. Мозг встрепенулся, услужливо напомнив, что она ведь ЕГО жена...и навряд ли ей приятно вести сейчас еще одну женщину своего мужа в свою спальню. И с языка сорвалось прежде, чем успела подумать:

- Зачем тебе это?

- Что ЭТО?

Авра толкнула меня внутрь и, быстренько оглянувшись, прикрыла за собой дверь.

- Почему ты не дала мне уйти сейчас?

Она изящно обогнула меня и села на кровати, сложив руки на груди и глядя на меня исподлобья. Какой же Нармузинов кретин всё-таки. Авра ведь красивая. По-восточному красивая женщина. И любит его, это видно невооружённым глазом. Когда мужчина заходит, она едва ли не млеет перед ним. Я замечала. Остальные, они боятся хозяина. Они склоняют головы перед ним из страха. Все они. Слуги, охранники...однажды даже какой-то дед со своим внуком. Они приезжали в гости к Нармузинову, и тот заставил меня выйти к ним, познакомиться. Даже тот дед, даже он смотрел на Саида с каким-то страхом, подолгу раздумывал, прежде чем произнести то или иное слово. Будто общество трусливых шакалов, собравшихся вокруг злого, сильного, безжалостного льва. Но только не Авра. Я ведь тоже не была просто дурочкой, которая не видит дальше своего носа. Теперь я замечала каждый взгляд, направленный на меня и на хозяина дома. И взгляды Авры на мужа были наполнены раболепным поклонением, восхищением...и обидой. Вот такой, как сейчас, когда оглядела меня с ног до головы и быстро отвернулась, сжав пальцы так, что побелели костяшки. И я знала почему. Ведь каких-то полтора часа назад её муж вышел из моей комнаты и ушёл к себе. Я не стала тратить время на душ или расческу и просто, дождавшись полуночи, выскользнула из комнаты, намереваясь бежать. А она, наверняка, заметила свежие синяки на моих руках и засосы, оставленные на шее. Я не видела их, только по тупой боли во время секса догадывалась об их

наличии. Я в принципе уже давно не смотрелась на себя в зеркале.

Короткий рваный выдох, и Авра отводит взгляд.

- Садись, - говорит отрывисто, собирается с силами.

- Почему ты не дала мне уйти? Ты же сама хочешь, чтобы я исчезла из вашей жизни.

Удивление? Она, правда, удивлена, что я знаю о её желаниях? Интересно, за кого же она принимала меня? Мозг вновь очень услужливо подсказал: за мелкую тупую девку, нагло укравшую ее мужика.

- Ты думаешь, я такая глупая, что не понимаю, как ты мечтаешь избавиться от меня?

Или не замечаю, с какой ненавистью она смотрела, когда в один из вечеров Саид, вернувшийся домой пораньше и заставший нас в саду за столиком со сладостями, молча подозвал...меня и увёл в спальню. Из нас двух он выбрал меня. В присутствии Сюейды и Иман, стоявших возле нас. Тогда я успела поймать как боль от унижения, мелькнувшую на красивом лице его первой жены, так и жгучую ненависть, вспыхнувшую в чёрных глазах.

- Разве не так? Только не говори, что ты решила подружиться со мной, поэтому зовёшь через день пить с тобой чай...или что тебе веселее с русской девчонкой, которую притащил твой муженёк, чем со своими...

- Это так, - Авра кивает, будто мне мало будет только слов.

- Тогда какого чёрта ты помешала мне сейчас?

- Потому что ты едва не сделала глупость!

Шипит, поджав губы и глядя прямо в глаза.

- Ты и правда такая дура, что не понимаешь ничего? Отсюда тебе не выбраться просто так? Или ты думаешь, охрана только по эту сторону забора?

– Да тебе-то что? – как же разозлила своим этим насмешливым тоном, пусть даже и понимаю, что она может быть права, – Ну стоят его люди там, – кивнула в сторону занавешенного окна, – ну увидят меня, да они даже разбираться не будут в такой темноте, услышат звуки и пустят очередь. Тебе-то что?

Она усмехается, правда, зло так усмехается, открыв рот и собираясь что-то сказать. Но то ли чертов адреналин, то ли подбирающаяся потихоньку истерика заставляют продолжить, слегка повысив голос, торопливо...потому что надоело. Господи, как же мне всё это надоело!

– Можно подумать, ты бы не хотела, чтобы я исчезла, лучше, чтобы меня убили, ведь так? Что смотришь? Ты сразу от такой проблемы избавишься. Разве плохо было бы? А, Авра? Вместо того, чтобы помешать, лучше помоги мне. Проследи, чтобы никто не увидел, как я...

– Ты такая молодая...наверное, поэтому такая глупая. Скажи, русская, ты помнишь всех тех гостей, которые на...,- запнулась, но судорожно выдохнув, продолжила, – нав вашей свадьбе были? Помнишь? Ведь нет. Тебе не до этого было, так? А они все тебя запомнили. И рассказали своим родным, своим соседям. О маленькой худенькой светлой русской, которая стала второй...второй женой самого Саида Нармузинова. Или все те кто навещали Саида, меня в эти дни...все они. Ты ведь даже не понимаешь, почему Саид каждый раз вызывал тебя и знакомил с гостями. Ты думаешь из уважения к ним? Или, – злая, очень злая усмешка, – к тебе? Нееееет, девочка, он показывал им тебя, чтобы они узнали тебя, если вдруг ты сбежишь...или исчезнешь...или еще что. Чтобы тебя схватили и привели обратно, зная, кому ты принадлежишь.

– Я никому не принадлежу! Я не вещь! Не вещь, понимаешь?!

В горле вновь комок сгусток из обиды и страха...страха, что она права. Авра...она всё верно говорит. Даже если я смогу улизнуть за забор...

– Тебе не уйти дальше чем на сто-двести метров, Карина. И не надейся, что он разозлится и убьет тебя. Нет, ты зачем-то нужна ему. Знаешь зачем?

Тёмные глаза с интересом останавливаются на моем лице, и я облизываю ставшими вмиг сухие губы. Я не знаю, стоит ли ей говорить об отце, учитывая её

отношение ко мне, ко всему этому.

- Молчишь. Молчишь, но знаешь, – Авра кивает сама себе и подходит ко мне вплотную, – можешь не говорить, мне все равно, но я могла бы тебе помочь.

- Да что ты!

- Помочь по-правильному. Не просто выйти за двери этого дома, за калитку, а уехать из города.

- Правда?

Она скептически умехается, слегка приподняв бровь. А, ну конечно, она уж точно больше всех хотела бы моего исчезновения.

- Я бы могла связаться кем-то из твоих...если, конечно, это возможно, – добавляет торопливо, не желая давать пустых обещаний, – и они бы помогли тебе уехать. Но для этого я должна знать, почему ты здесь?

Она закрывает глаза и тяжело выдыхает.

- Если бы Саид просто хотел вторую жену, он бы выбрал девушку нашей веры, нашей национальности, чистую, непорочную, – испытывающим, долгим взглядом смотрит на меня, будто ждет реакции, и, видимо, что-то на моем лице выдает нужную ей, потому что Авра вновь ухмыляется, зло так, – он бы не стал портить свою кровь, кровь своих предков твоей.

- Какого чёр...

- Молчи, ты просто воспитана по-другому, поэтому не понимаешь. Но я понимаю. Я всё вижу. Если бы речь шла только о второй жене, о...,- она сглатывает судорожно, – о ребёнке, он бы взял другую девочку. И относился бы к ней по-другому. Да любая в Чечне была бы рада стать женой самого Саида Нармузинова, но ты...ты здесь заложник. И относится он к тебе как к заложнику. А значит, ты сама по себе его не интересуешь. Тогда что? Кто ты, русская Карина, что он держит тебя тут силой?

Она замолчала, ожидая ответа, а потом моей ладони неуверенно, совершенно несмело коснулись её пальцы и слегка сжали. По-прежнему ледяные, они будто призывали открыться.

А что я, собственно, теряю? Авра, как бы она ни ненавидела, ни презирала меня, была единственной, кто вообще со мной тут общается...и единственной, кто может не побояться помочь мне. И плевать, что у нас разные ожидания, цель-то одна. Мы обе мечтаем о моем побеге. И мне ведь больше не к кому обратиться? Ведь так?

– Я...на самом деле я не знаю, зачем я ему. Но его семья и моя семья...ну мы враги, короче. Там и бизнес, и личные отношения. Конкуренция. Я – дочь Андрея Воронова.

Темные глаза округлились, а пальцы сжали мои со всей силы.

– Да, того самого Воронова, который его дочь выкрал...но потом отец женился на ней, и она кстати очень счастлива с ним!

Глава 2. Карина

Мы проговорили еще около получаса, и Авра вытолкала меня из своей комнаты, обещав подумать о том, как мне помочь. Стало ли мне легче? Не знаю. Теперь я ничего не знаю. Оказывается, это очень страшное чувство – быть зависимым настолько сильно от чужих решений, а еще не доверять никому. Вообще никому и никогда. Надо потом будет у Макса спросить, как он всю свою жизнь так живёт. Я тут за недолгий срок уже готова свихнуться...Если, конечно, только всё у нас получится...если только я смогу сбежать и вернуться домой...

– Эй, – я вскрикнула от неожиданности, когда меня подбросило вперед на ступеньках крыльца.

– Пошли собак покормим, – Авра бесцеремонно подтолкнула меня в спину, держа в руках огромную кастрюлю, накрытую крышкой, – нечего просто так тут стоять.

– А менее грубо нельзя? – буркнула, плетясь за ней, понимая, что неспроста зовёт за собой. До этого меня в принципе ни к каким делам не привлекали. Женщина только фыркнула, следуя впереди.

Мы обошли дом и по аккуратной, вымощенной тропинке пошли к стоявшей сзади дома псарне.

Каждый раз, когда я собиралась открыть рот, взгляд наткнулся на стоявших неподалеку охранников, и поэтому всю дорогу мы прошли молча.

Подошли к низкому слегка вытянутому каменному зданию, из-за которого раздавался многоголосый лай, и я невольно отступила назад.

– Боишься собак?

Она даже не посмотрела на меня, поставив кастрюлю на пол, и дождавшись, когда к нам неслышно подойдет Сювейда.

– Госпожа...

–Твою мать!

От тихого голоса, раздавшегося за моей спиной я вскрикнула, успев поймать насмешливый взгляд Авры. Вот почему она не произнесла ни слова, пока мы шли. Знала, что та ступает за нами...а я настолько была поглощена в свои мысли, что не слышала ее шагов.

– Ты напугала молодую госпожу, Сювейда, ц-ц-ц. Оставь это нам, – кивает на вторую кастрюлю в руках женщины,– и иди в дом. Мы сами покормим собак.

– Но, госпожа, ведь это моя...

– Ничего, Сювейда, я думаю, госпоже несложно будет помочь мне, так ведь?

Дождавшись моего молчаливого кивка, продолжила:

- Должна же и она приносить пользу нашему дому.

Сювейда молча опустила голову и тенью выскользнула обратно на тропинку ведущую в дом.

- Смешная ты, русская.

- Почему это? – огрызнулась, сняв крышку кастрюли и увидев куски мяса в ней. Ага, и почему я думала, что этот зверь будет кормить своих псов кашами там...мясо, сочное, окровавленное мясо. Господи, надеюсь, хоть не человечина?

- Ты живешь среди врагов и воспринимаешь всех, как своих врагов, но такая..., – Авра щёлкнула пальцами, пытаясь подобрать слово, – беспечная. Твои глаза и уши закрыты, как будто ты не хочешь ни видеть, ни слышать того, что происходит здесь.

Она с силой открыла деревянную дверь, за которой оказалось тёмное помещение, похожее на амбар или сарай, вот только там были привязаны железными цепями собаки. Хотя нет! Не собаки. Монстры. Огромные шерстяные монстры. Кавказские овчарки. Чёёёерт. Кажется, они почти одного со мной роста. Чудовища ринулись вперед, недовольно и громко лая, а я так и осталась стоять на месте от ужаса. Потому что показалось, что эти твари...боже, да одна такая запросто меня сожрёт и глазом не моргнёт. А эта Авра...она зачем-то привела меня сюда...и отпустила Сювейду. Вон как зашла смело к ним и поглаживает...поглаживает! Самого большого серого монстра. Если только захочет, она ведь может отпустить их, приказать...

И, видимо, мысли на моем лице слишком хорошо читались, потому что вдруг раздался её смех. Злой такой, издевательский.

- О, вижу, наконец, голова заработала? Очнулась от прострации...не бойся, русская, как бы я ни хотела от тебя избавиться, но я не скормлю тебя собакам. Тебе не надо бояться меня. Пока.

- Тогда зачем ты привела меня сюда?

Она поманила меня пальцем.

– Здесь нас не услышат. Давай, корми.

Дрожащей рукой я подхватила огромный шмат мяса и бросила одному из монстров. Всего их было шесть здесь.

– Я попробую связаться со своим братом. Он поможет мне найти кого-то из твоих родных.

Я едва не вскрикнула, но Авра смерила таким тяжёлым взглядом, что я прикусила язык.

– Ты знаешь их телефона? Чей-нибудь?

– Папа заставил выучить меня его и дяди номера.

– Хорошо, давай мне их. Я попробую обратиться к своим родным. Ожеть быть, они помогут нам передать сообщение твоим. Но, – она подняла указательный палец вверх, – сейчас не смей даже думать об этом. И надеяться.

– Но почему?

– Потому что я не уверена, что они помогут тебе.

– Почему?

– Очнись, девочка, – Авра кидает еще один шмат мяса и довольно лыбаётся, когда монстрятина утробно рыча вгрызается в него огромными клыками, – все боятся Нармузинова. Боятся так же, как ты сейчас этих собак, – и эта сука вдруг подтолкнула меня прямо к одной из овчарок, стоявшей ближе всех к нам. Я споткнулась и упала на четвереньки, а когда подняла голову, то закричала, оказавшись прямо перед громадной бежевой мордой, со злым рыком оскалившейся прямо в мое лицо.

И тут же, ровно за мгновение до того, как клацнули собачьи челюсти, холодная рука оттянула меня назад с такой силой, что я врезалась спиной в грудь Авры. Задрожала, ощутив выступившие от страха слёзы. Вот за что она так со мной?

– За что?

Всхлипнув, не сдержавшись...

– Ты или помогай, или...зачем ты пугаешь?

– Чтобы ты поняла, что ожидает любого, кто разозлит Саида Нармузинова. Ты еще не понимаешь ведь, да? Думаешь, самое страшное – это то, что он насиловать тебя приходит по ночам? Дура! Поверь, Нармузинов может заставить человека пожалеть о своем предательстве. И все, кроме тебя, это знают. И мой брат с отцом тоже...поэтому мне нужно будет уехать ненадолго к ним. Я придумаю какую-нибудь причину для отъезда. И дома уже попытаюсь уговорить их помочь нам.

– Тебе, – я облизнула губы, поворачиваясь к Авре лицом, – ты не просто попытаешься, а уговоришь их помочь. Но не мне, а ТЕБЕ. Тебе это надо так же, как мне. Ты не сможешь скормить меня этим тварям, хотя я вижу, как сильно этого ты хочешь. Но ты ведь боишься так же, как и все остальные. Боишься, что он не пожалеет тебя. Поэтому и, – изобразила кавычки в воздухе, – «помогаешь» мне. Но мне плевать. Пусть так! Главное – уговори своих рискнуть.

– Но ты тоже должна постараться.

– Я?

– Да, иначе как ты хочешь сбежать отсюда, девочка? Если тебя даже до псарни не пускали одну? Постарайся завоевать хотя бы немного доверия...от Саида, от прислуги. Заставь их поверить, что тебе можно выйти за пределы этого дома...

– Как? Меня не выпускают, ты же знаешь?! Как мне сделать это?

- Не знаю, - Авра бросила это зло и отступила, нагнувшись за кастрюлей, затем недовольно пожевала губы, прежде чем ответить, - прими его как своего мужа в конце концов.

- Да черта с два!

- Идиотка! - она всунула мне в руки свою чертову посудина и ткнула пальцем в ключицу, - Заставь его поверить, что ты смирилась, соблазни его по-настоящему, заставь доверять себе. Стань ему...женой. Хотя бы немного. А мы пока всё организуем.

Я отвернулась и пошла вперёд, пытаюсь успокоиться и подумать над словами Авры. В комнате, там я всё нормально обдумую...возможно, она и права, возможно...

- Эй, русская, - раздалось сзади, и я остановилась, не оборачиваясь, - играя его жену, смотри, не влюбись в Саида, иначе, я и вправду скормлю тебя псам.

И быстро пошагала к дому, больно оттолкнув меня своим плечом. Сука психованная.

Глава 3. Саид. Макс

Знаете что мне нравилось больше всего - то, как они мечутся и ищут ее. Как переворачивают каждый угол и не могут найти, как их трясет от злости, от бессилия, от отчаяния. А мне докладывают каждый их шаг. Вот она. Здесь у меня. И я ее трахаю, Воронов. Я еб* твою венценосную доченьку, которая оказалась примитивной шлюшкой, выебаной еще до меня во все щели. Каждый раз, когда ложусь на нее говорю себе...что это в последний, что больше не прикоснусь к грязной дряни и не могу сдержаться.

Ее белокурые волосы, ее голубые глаза сводят меня с ума. И ее упрямство, ее непокорность, ее вот этот вот взгляд, в котором она меня сто раз прокляла.

Плевать... я жду, когда мое семя прорастет в ее чреве, чтобы породниться с Вороновым и нанести ему сокрушительнейший удар как по самолюбию, так и по его империи.

Но, помимо этого, сам не понимаю, как меня манит к ней. Лежит подо мной бревном ледяным, смотрит в потолок. Никогда раньше меня бы это не завело, я не любитель трахать трупы. Но с ней...с ней все иначе. Ее белая кожа, ее розовые губы, нежно-персиковые соски, ее длинные ноги. Юность и свежесть. Все это заставляет член вставать дыбом и мне достаточно моей собственной похоти, чтобы кончать в нее и рычать от наслаждения.

Хоть бы одно движение сделала навстречу. Бревно ледяное. Интересно со своими любовниками пацанами она была такой же холодной? Такой же никакой? Или это только со мной? С ненавистью в этих глазах не сравнится ни одна молния в этом гребаном небе.

Но сейчас меня больше занимали мои новые сделки, мои возможности, которые откроются...не с падением Вороновых, а наоборот с их победой.

Гонка с выборами, драка в мафиозных кланах, выросшая в разы коррупция, охреневшие менты, осатаневшие высшие структуры. Все против двух братьев, которые по моим последним данным разошлись по разные стороны баррикад.

И я хочу поговорить с одним из самых оторванных из них – со Зверем. Понять, что у него на уме и чем он дышит. Вражда ли между братьями или это какая-то двойная игра. Кажется, он развелся с женой Графа и женился на сестре Волкова одного из шишек в министерстве приближенного к Зарецкому. Возможно, это сплетни, а возможно правда...Сегодня я это узнаю точно.

Со Зверем мы встретились в клубе, который некогда принадлежал братьям и теперь был продан одному из их людей. А возможно по-прежнему был во владении Воронов, но мараť политическое резюме владением ночными клубами братья могли не желать. Безупречная биография, прозрачный бизнес, прозрачные доходы и полностью стертая история совершенных ранее преступлений. Так это работает и работало всегда.

Меня провели за стол, где сидел Воронов в обнимку с пышногрудой блондинкой. Она вертелась у него на коленях и, кажется, вот-вот трахнула бы его прямо

здесь. София...так кажется ее зовут. Неужели он и правда на ней женился? Я помнил его первую жену – Дарину. С аристократической внешностью. Утонченную, голубоглазую брюнетку с очень хрупким телом, идеальными чертами лица. Красивую той красотой, о которой говорят – королева. И вот это...пошное, белобрысое выжженое краской существо с надувными сиськами, губами и татуажными бровями. Карикатура, блядь.

Воронов сидел с бутылкой виски и неполным бокалом. Кажется, он был пьян. Я это понял по блеску его глаз и упавшей на лицо челке.

– О, бля...родственничек. Приветствую тебя, мой чеченский друг Саид. Друг ведь, да?

– Конечно, друг, дорогой.

Ответил я и протянул ему руку. Одной он сжимал ягодицы своей девки, а во второй держал бокал. Небрежно ее стряхнул с колен и пожал мне руку.

– Смотрю ты один. Без охраны. Экономишь или со смертью трахаешься?

С племянницей твоей трахаюсь и если бы ты об этом знал мы бы с тобой сейчас сворачивали друг другу головы и ломали ребра.

– Я сам за себя. Ненавижу, когда за мной хвосты тянутся. На хер мне охрана. А со смертью да...мы с ней давние любовники.

– Ждет тебя с распахнутыми руками.

– Ни х*я, ждет меня с распахнутыми ногами.

Усмехнулся уголком рта.

– Понимаю. Сам ненавижу с охраной ходить. Познакомься – это моя...жена. София. Это Саид. Отец моей невестки Лексы. Ты ее не знаешь. Иди. Погуляй. Нам поп**ть недо. Без тебя.

- Максиим..., - захныкала и удержала его за руку, но он выдернул ее и едва удержался, чтобы не скривиться.

- Пшла вон...я занят. Отсосешь у меня попозже, детка.

- Сволочь!

Взвизгнула эммм...жена и, виляя надувным задом, пошла в сторону бара к таким же надувным подружкам.

- Жена?

- Да. Я немного сменил семейное положение. Уже и развелся, и женился.
Нравится?

Кивнул в сторону женщины.

- Первая нравилась больше.

Синие глаза яростно сверкнули, но он ничего не сказал. Тряхнул челкой и налил снова полный бокал.

- Будешь?

- Пока нет.

- Пока? Вы разве не соблюдаете сухой закон?

- Мы?

- Мусульмане...

- Мусульмане разные тебе ли не знать.

- Садись. Бесит смотреть на тебя снизу вверх.

Да, он пьян, но несмотря на это все равно есть вот эта аура опасности. Притом сейчас еще более явная, потому что зверь сорван с цепи и плохо держит себя в руках. Что-то выбило из равновесия одного из самых жутких людей в клане Воронов. Я сел в кресло напротив. Подошла официантка.

- Черный кофе. Двойной эспрессо. Бутылку минералки.

- Че так скромно? Давай, за мой счет. Здесь своя кухня только для ВИП гостей. Приготовят даже павлина в соусе динозавра.

- Пока что мне хватит кофе.

- А мне...неси еще бутылку вискаря.

И смачно шлепнул официантку по заднице.

- Слышал у вас раскол клана, не хватает людей, чтоб подавить возникающую челядь?

- Есть такое...

Хлебнул виски и откинулся на спинку стула, закурил. На пальцах нет обручального кольца, зато оно телепается на веревке на шее. Интересно новое или старое.

Позже, когда свет упадет на грудь в расстегнутой рубашке я замечу небольшую вмятину. Значит старое...Какого хрена тут происходит не понятно никому.

- Не тяни кота за яйца, что можешь предложить?

- Своих...рты позакрывают всем тем, кто много разговаривает и возбуждает. Проведут зачистку.

Прищурился. Затянулся сигаретой так что половина истлела тут же. Выдохнул огромную струю дыма.

- Графу надо...С ним говорил?

- У нас сейчас не лучшие времена...как, впрочем, и у тебя с ним.

- Что-то у Графа последнее время со всеми не лучшие времена. Ко мне зачем пришел? Если знаешь, что я сейчас с Графом не общаюсь?

- Ну так общение не имеет никакого отношения к семейным узам. Или я ошибся и у вас семья ничего не значит.

Резко подался вперед, а я даже не пошевелился.

- Если ошибся, то звиняй.

- Ты говори да не заговаривайся...

- Я всегда говорю, что думаю, Зверь. И за слова свои отвечаю. Я тебе предложение сделал...В ответ получил вопросы.

Выпил еще виски и посмотрел на меня исподлобья.

- Взамен что надо?

- Чтоб товар по-прежнему выезжал и заезжал через ваши каналы. Граф эту возможность отобрал...

- Ясно. Я пришлю кому рты надо закрыть, а кого вообще убрать. В обмен могу дать свои каналы, если устроит?

- Устроит.

- Вот и хорошо. Прикрой зад моему братцу. Слово семья у нас Вороновых значит не меньше, чем у вас.

Усмехнулся, склонив голову в бок.

- Ну что? А ты? Когда жениться думаешь? Или все по блядам?

- Так женился уже...Чет ты плохо информирован.

- Да то ты меня не интересовал. Когда с женой познакомишь?

- Скоро, дорогой, скоро. Ты инфу скинь вот сюда...

Положил перед ним визитку с телефоном и мейлом.

- Товар когда смогу провезти?

- Когда уберёшь первую мразоту - Ислямовых. Предателей хреновых.

- Готовься в ближайшие дни принять товар.

Кивнул и поманил пальцем свою надувную. Она тут же вспорхнула и хотела усесться рядом, но он кивнул ей на пол и она опустилась перед ним на колени...
Конченный сукин сын.

Макс

Когда Радич позвонил мне, я был с Софией. Сучка полностью обнажилась и теперь, оседлав мои колени, в спешке расстёгивала на мне рубашку. Услышав звонок, мельком глянул на экран и напрягся, увидев имя Стефана.

- Брось, Зверь, только не говори, что ты сейчас ответишь? - София жалобно простонала в ухо, обводя мочку языком.

В груди появилось какое-то тянущее чувство, будто предчувствие катастрофы, поэтому я слегка отстранился от девушки и ответил:

– Радич, искренне надейся, что у тебя достаточно важная причина для того, чтобы прерывать меня от более приятных дел, чем болтовня с тобой.

И он ответил. Спокойно ответил, вашу мать. Так, как умеет только Стефан. Без спешки или волнения. Абсолютно равнодушно произнёс самые страшные слова, которые я когда-либо слышал в своей жизни:

– Дарина предприняла попытку самоубийства.

В первый момент я даже не понял смысла его слов:

– Ты что за ахинею несёшь? Повтори!– Голос сорвался на крик. – Повтори, что ты сказал!

И точно таким же бесцветным тоном он совершенно ровно повторил:

– Дарина предприняла попытку самоубийства, хотела перерезать вены, но ее успели остановить. Только что было получено сообщение от Дениса. Ее охранника.

Разум оцепенел, силясь переварить полученную информацию. Я смотрел в серые глаза голышницы перед собой и с ужасом понимал, что сейчас заорю или сверну ей шею... а ее глаза вдруг становятся глазами Даши. Протянул руку, касаясь её щеки, провел пальцами по глазам в попытке стереть из них безысходность. Не понимая, что передо мной другая.

Голос Стефана прозвучал словно издали, отдаваясь эхом в голове:

– Макс? Какие будут наши действия?

Моментажно очнулся, осознавая, что та, которую я сейчас ласкал, не имела ничего общего с Дариной.

– Приготовь самолёт, я сейчас же вылетаю.

Я скинул с колен вечно озабоченную сучку и бросился к куртке, на ходу застёгивая пуговицы рубашки.

"Даша...самоубийство...моя девочка". Не верю. Не могу поверить. Так не должно быть. Только не с ней. Моя малышка слишком любит жизнь, детей, свою семью...И меня...Пока ещё любит.

Закрыв глаза, стараясь успокоить учащенное сердцебиение.

– Маааакс, ты не можешь меня так оставить сейчас! – пронзительный голос Софии ворвался в заторможенное сознание. Блондинка бросилась ко мне и вцепилась в куртку.

Я посмотрел на неё, вначале даже не понимая, откуда она тут вдруг возникла. Конечно, она услышала всё, что говорил Стефан.

– Какое тебе дело до этой истеричной идиотки, дорогой? Пусть бы изрезпалась и сдохла – нам же меньше забот!

Я разозлился настолько, что еле сдержал себя от желания вцепиться ей в горло или сразу вырвать гнилое сердце из груди. Но пока эта тварь была ещё мне нужна. Схватил её за шею и приподнял над землёй. Сучка вцепилась мне в запястье, со страхом глядя на меня. Да, детка, никогда не забывай, что Зверь свою репутацию заслужил не одним десятком загубленных жизней.

– Ещё раз услышу, как из твоего рта вылетает любое упоминание о ней, и ты пожалеешь о том, что можешь говорить вообще!

Швырнул её на пол, и практически бегом помчался к машине.

Самоубийство...Но почему? Почему она хотела умереть? Вариант о том, что она могла узнать о своём новом положении, отнёс сразу. Пока о разводе знали единицы. Средствами связи Дарина не обладала. Я приказал оградить её от всего. Ни телевидения, ни интернета, ни тем более телефона. Тогда что? Что, грёбаный ад, могло произойти такого, что она решила ТАК поступить с нами? Именно сейчас, когда всё шло будто по накатанной. Так, как того требовал мой план!

Я понимал, что она вправе чувствовать на меня обиду, злость. Чёрт, даже презрение. Но, это на меня! Пусть презирает меня, но живёт! А иначе, какого

хрена я затеял весь этот спектакль?! Ради кого? Зачем мне эти кланы и блядские предложения конкурентов Андрея на которые я согласился чтобы прикрыть его задницу, если рядом не будет Дарины?!

Когда спустился с самолёта и пересел на автомобиль, начал чувствовать, как меня трясёт. От страха, что мог потерять её навсегда. От нетерпения увидеть любимую, прижать к себе и целовать! Долго. Может, весь день и всю ночь. Уже потом я буду выяснять, что подтолкнуло её к попытке...самоубийства. Скривился. Чёрт, даже в мыслях сложно произнести это слово, когда оно касается самого дорогого для меня существа. Стефан сказал Денис...если бы он не успел...Если бы она успела? Что тогда? Ухмыльнулся. Зверь, ты отлично знаешь ответ на этот вопрос. Тогда вся эта игра не имела бы смысла. Тогда ты бы отправился напрямик за ней. Вот только после смерти ты бы её не встретил. Уже никогда. Так бы и гнил один в Аду в то время, как её место на небе. Ударил по рулю. Ни хера! Её место рядом со мной. Здесь! Всегда!

Тогда я ещё верил в то, что возможно примирение. Даже не так – наше соединение. Как всегда и бывало раньше. Когда мы оба сплетались в одно целое, каждый раз выныривая из вонючей трясины, затягивавшей нас туда поодиночке.

Я подъехал к посту, и охранник при взгляде на моё лицо отшатнулся в диком страхе.

Не обратил на трусливого идиота внимания, так как на подходе к дому заметил её.

С шумом выдохнул. Она. Живая. Дышит. Смотрит прямо на меня, но создаётся ощущение, что не видит. Я остановился и выскочил из машины. Дарина вздрогнула, будто очнулась от каких-то мыслей и теперь уже осознанно наблюдала за мной. Подбежал к ней и порывисто обнял. На секунду сердце замерло и снова забило в диком восторге. Как же я тосковал по ней! Обхватил лицо ладонями и начал жадно целовать. Глаза, нос, щёки, подбородок. При мысли о том, что этих прикосновений могло бы уже и не быть никогда, глухо застонал и впился в её губы, в изнеможении закрывая глаза. Девочка моя, как же я испугался. Я могу вынести, что угодно, если знаю, что она дышит со мной одним воздухом.

Я настолько растворился в её запахе и прикосновениях к коже, что не сразу понял, что

Дарина не обнимает меня в ответ, а сражается со мной. Она с силой оттолкнула меня, процедив сквозь губы:

– Убирайся!

В первый момент подумал, что ослышался:

–Что? Что ты сказала?

Она схватила меня за запястья, впившиеся в её плечи, и сильно сжала.

– То что ты слышал. Убирайся! Просто исчезни! Не прикасайся ко мне!

Её голос срывался на хрип, заставляя сердце обливаться кровью.

Посмотрел в глаза, горевшие непонятной мне яростью и, освободив руки, поднёс её ладони к губам, покрывая поцелуями и растворяясь в аромате ее кожи:

– Что с тобой, малыш? Почему?

Она выдернула руки.

– Со мной? Ты спрашиваешь, что со мной? Тебя это волнует? В перерывах между какими сверхсекретными делами или шлюхами ты решил узнать обо мне? После того, как запер в эту тюрьму; после того как распорядился мною, как вещью...после того, как отнял у меня все. Убирайся! Я всё знаю. Всё. Ты...ты чудовище. Ты лицемер. Ты мог просто...просто сказать мне что все кончено, но ты... ты отобрал у меня детей...я могла всё понять...но дети...как же я презираю тебя!

Глава 4. Макс

Она задыхалась, отводя взгляд, давая понять, насколько ей больно смотреть мне в глаза.

– Отпусти меня! Или убирайся сам!

Именно тогда я осознал, что она уже всё знает. Вашу мать, она знает! Но как? Чёрт возьми, кто ей мог проболтаться? Если только кто-то из охранников. Сукины дети сегодняшней день точно не переживут. Ни один!

Я прикрыл глаза и медленно выдохнув, произнёс:

– Даша, давай, зайдём в дом. Давай не будем устраивать спектакль для охраны.

Она истерически засмеялась:

– Спектакль? Вся моя жизнь рядом с тобой сплошной спектакль. То ли комедия, то ли трагедия, и я всего лишь массовка на твоей сцене!

Внутри всё перевернулось. Как мне доказать ей, что она главная героиня этого бесконечно долгого действия, именуемого моей жизнью?

Я стиснул зубы до скрипа и прошипел:

– Иди в дом, я сказал!

– Не то что? Заставишь? Затащишь насильно? Какие права у тебя теперь есть на меня, Максим?

Она содрала обручальное кольцо с пальца и швырнула в меня.

– Никаких. Ты мне теперь никто!

Поймал на лету кольцо и, схватив, её за локоть, дёрнул на себя:

– Малыш, не заставляй меня в очередной раз напоминать о СВОИХ. ПРАВАХ. НА ТЕБЯ!

Даша попыталась вырваться, но я уже отвернулся и теперь тащил её за собой в дом. Она упиралась ногами, пытаюсь затормозить меня, била по спине руками, истошно крича. И каждый крик отзывался эхом внутри, причиняя физическую боль настолько сильную, что хотелось зажать уши руками, чтобы не слышать ничего.

Ни слова не говоря затащил девушку внутрь и, закинув её себе на плечо, поднялся в спальню. Там я бросил её на кровать и ледяным тоном сказал:

– Вот теперь говори.

Дарина вскочила с постели и, сжав руки в кулаки, прокричала.

– Мне не нужно ничего напоминать! У тебя нет прав на меня. Мы теперь в разводе! Ты лично, собственноручно, зачеркнул все права и дал мне свободу. И я рада, что ты приехал, потому что теперь ты отпустишь меня. Не хочу ни секунды находиться рядом с тобой в ТВОЕЙ золотой клетке. Я вернусь к брату и начну процесс по возврату детей, Макс. И еще... не называй меня «малыш». Это право ты тоже потерял.

Захотелось взвыть от бешенства. Эту «золотую клетку» ещё совсем недавно она считала своим домом. А теперь хочет бежать из неё без оглядки.

Шагнул к ней и, схватив за волосы, с силой дёрнул в сторону:

– Нет прав, говоришь? Вот они мои права, – притянул её за талию и впечатал в себя, – и мне не нужны долбаные бумажки, чтобы доказать тебе существование МОИХ прав.

Положил руку на её ягодицы и сильно сжал:

– Отпустить тебя, малыш? Ты думаешь, что я когда-нибудь отпущу тебя? Ты в это веришь, Даша?

Она дёрнула головой и тихо произнесла:

– Эти права тебе давала я тем, что позволяла и хотела, чтобы ты их имел. А сейчас тебя больше нет для меня. Мне противны и омерзительны твои лживые прикосновения, твои слова, которые не стоят и гроша. – Неосознанно отступил от неё, не веря, что слышу эти слова. Лучше бы она отхлестала меня по щекам! Это не было бы и вполтину так мучительно, как сейчас, после этих слов. А Даша выставила вперёд руку и продолжала вскрывать мне вены острыми как лезвия словами:

– Малыш...А Её как ты называешь? Детка? Крошка? – Потихоньку приходя в себя, шагнул ей навстречу, чтобы схватить и прокричать в ухо так громко, насколько мог, что ту, другую, я не называю никак. Что ТА для меня ничего не значит.

Она отшатнулась в сторону и практически прорыдала срывающимся голосом:

– Убери руки и не прикасайся ко мне. Ты отпустишь меня. Потому что я больше не хочу быть с тобой и ...не буду! Никогда! Просто запомни это. Никогда!

Уже не контролируя себя от моментально охватившего тело бешенства опрокинул Дарину на кровать и сел сверху, зафиксировав её руки над головой:

– Запомни, Даша, мне не нужно твоё разрешение на то, что и так является МОИМ!

Опустил голову, приблизившись к её лицу на расстояние в пару сантиметров:

– И называть я тебя буду так, как хочется мне. Ты моя! Вся моя! Твоё имя. Твоё тело. Твоя жизнь. А вот ты, Даринаааа, никогда, слышишь? Никогда больше не будешь распоряжаться тем, что принадлежит мне.

Её глаза сверкнули, она поняла, о чём я. Продолжая сжимать её запястья одной рукой, второй схватил её за шею и прорычал:

– Какого чёрта ты творишь, маленькая ведьма?

Встряхнул её:

– Отвечай? КТО. ТЕБЕ. ПОЗВОЛИЛ?

Поднял руку к подбородку и сжал, причиняя боль:

–Твою мать! Почему ты это сделала? Чего ты хотела этим добиться?

Она вцепилась в моё запястье и, задыхаясь, прохрипела:

– Уйти от тебя. Потому что еще никогда в жизни я не испытывала такого отвращения к тебе и к себе. Ты не удержишь меня, Максим. Меня рядом с тобой нет... Очнись. Посмотри мне в глаза – меня нет. Не смотря на то, что мне не дали уйти, я уже ушла. И, знаешь, я не жалею, что меня остановили...не жалею, потому что я смогла сказать это тебе в лицо. Сказать, что впервые тебя ненавижу. Ты можешь заставить меня бояться...но ты больше не заставишь меня хотеть и любить тебя.

Сердце в очередной раз сжалось от беспощадных слов, чтобы снова понестись вскачь от невероятной злобы, завладевшей всем телом. Каждой чертовой мышцей. На короткий миг стало трудно дышать, будто весь воздух из комнаты молниеносно выкачали. Казалось, ещё чуть-чуть, и тело просто свалится мёртвым грузом на кровать, потеряв смысл для дальнейшего функционирования. Но та же самая злость заставляла продолжать эту борьбу с ней и с самим собой, адреналином впрыскивая в кровь необходимые силы. Я злился на неё за то, что захотела покинуть меня навсегда. И чувствовал ещё большую ярость на себя. За то, что позволил нам дойти до этого.

Оскалился и завладел её губами. Не целуя – сминая и кусая их, безжалостно царапая клыками. Дарина вертела головой в попытке освободиться от поцелуя, и я позволил ей это. Отстранился от неё и прошептал, глядя в глаза:

– Скажи это ещё раз. Скажи, что ненавидишь меня.

Я должен был это слышать, упиваясь собственной болью и позволяя ей разрушать меня и дальше, оправдывать свои поступки, развязывать мне руки. Ведь если она меня ненавидит, значит, я мёртв, а мертвеца нельзя приговорить дважды.

Она облизала кровь с нижней губы и, судорожно сглотнув, прошептала в ответ:

- Ты даже не представляешь насколько...я тебя ненавижу. Но больше всего я ненавижу себя за то, что верила тебе.

Прикрыл глаза, впитывая в себя эти слова, и ухмыльнулся. Через десять лет я всё-таки добился того, что она возненавидела меня. Теперь. Внутри все корчилось от острой боли, от чувства дикого разочарования.

После того, как овладел собой, открыл глаза и спросил:

- Но почему теперь? Почему теперь, Даша, чёрт тебя побери?

Повысил голос и силой вдавил ее в постель, сильнее сжимая пальцы на её горле, глядя на её расширяющиеся зрачки и испытывая невероятное садистское удовольствие от осознания её страха. Ненависть, страх. Все что угодно, но только не равнодушие.

- Не тогда, когда...я чуть не убил тебя, не тогда, когда я был в Чечне...Не тогда, когда унижал и держал в роли рабыни...Не тогда, когда оставил вас подыхать с голоду...Тогда ты чувствовала и понимала - все не такое, каким кажется! Какого дьявола, Даша, теперь? Когда единственное, о чём я тебя просил, - ударил по постели рядом с её головой, - это доверие. Грёбаное доверие и молчание, чёрт тебя раздери!

С её губ сорвался тихий вздох.

- Доверие? От кого? Кто я теперь? Твоя любовница? Бывшая жена? Шлюха? Кто я? С таким же успехом на меня может предъявить права любой из твоих охранников. Любой. Потому что я - никто. И знаешь? Я лучше стану шлюхой твоих псов, чем твоей любовницей или вещью. Никакого доверия ты от меня не дождешься.

Это был контрольный выстрел. Прямо в лоб. Дарина, как никто другой, знала, какие струны задеть, чтобы окончательно снести мне крышу. Знала, что это запрещённый ход, но, тем не менее, применила его. И я потерял последние остатки разума, чувствуя, как сознанием завладевает монстр, поднимая свою

омерзительную голову и широко раскрывая зубастую пасть.

Ударил её по щеке, а потом ещё раз, и ещё раз.

– Да мне насрать на твои чувства ко мне! И плевать на твои желания! И если ты так сильно хочешь стать шлюхой, я тебе позволю. Но трахать тебя буду ТОЛЬКО я. Станешь личной подстилкой Максима Воронова! И только если я захочу, то ты сможешь лечь и под охранников! Для того, чтобы развлечь МЕНЯ, поняла?

Свободной рукой разодрал на ней блузку и грубо сжал грудь:

– И мне плевать, согласна ты или нет с этим. Теперь, – криво усмехнулся, – впрочем, как и всегда, я решаю с кем и когда ты спишь. И пока что этот кто-то, – ущипнул сосок, – я!

Затем опустил руку к животу и остановился, глядя прямо в её глаза.

– Тебе понятно, Дарина?

– Мне все понятно, – прошептала она, – только покорности ты не дождешься, потому что я больше не хочу тебя. Ты можешь развлекаться со мной, пока я тебе не надоем...Да ты все, что угодно, можешь. Ты возомнил себя вершителем моей судьбы. Мне плевать, с кем спать, с тобой или с твоими охранниками. Ни к тебе, ни к ним я ничего не чувствую. Ты убил во мне все. Отдай хоть собакам на улице.

– Плевать? – я снова ударил её, и на этот раз вздрогнул, увидев блеснувшие в глазах слезы, но уже не мог остановиться. Её слова сорвали все планки, и я уже не сдерживал чудовище внутри себя – я выпустил его на волю. Похотливого, жадного до боли зверя, готового разорвать ее. – Тебе наплевать, кто будет тебя иметь? Как впрочем и обычной шлюхе! Тогда первым у нашей строптивой потаскухи буду я!

Задрал подол юбки и схватил рукой трусики.

– И, да, малыш, ты сама меня захочешь.

Быстрым движением разорвал на ней белье, с лёгкостью преодолевая неистовое сопротивление, и резко ввёл в ее влагище палец. Дарина уже была влажной, и я злобно ухмыльнулся, подняв на неё глаза:

– А ты так меня ненавидишь, что уже завелась, Даша? Или это я все еще действую на тебя так? Зачем было лгать и ломать комедию? Ты могла сказать или просто попросить, чтобы я тебя оттрахал.

Она снова дернулась в моих руках, но я придавил её бедра к кровати сильнее, а потом погладил большим пальцем складки нежной плоти между её ног. Наклонил голову и подул на них. Она моментально увлажнилась ещё больше, и комнату окутал аромат её желания, от которого вело так, что закружилась голова. Я демонстративно втянул в себя её запах:

– Да, малыш, именно так. Я же всегда прекрасно знаю, что нравится шлюхам!

Почему считают, что насилие – это обязательно физическое издевательство над телом? Можно причинять не меньшую боль и унижение словами. И именно это я сейчас осознанно и делал. Насиловал её душу, так как тело отвечало мне взаимностью. Понимая, что это не просто оттолкнёт от меня жену, но и, вполне вероятно, поставит крест на её чувствах ко мне. Но остановиться я уже не мог. Не тогда, когда в ноздри бил её запах, а пальцы мяли шелковистую кожу. Да, и, потом, как может остановиться солдат на полпути, когда он уже ступил на минное поле? Он просто идёт вперёд, с замиранием сердца ожидая, какой шаг раскинет его в разные стороны, разрывая на части и выставляя на всеобщее обозрение внутренности.

Я начал двигать пальцем внутри неё, сначала неторопливо и нежно, а затем ускоряя темп. Жадно наблюдая за её реакцией и упиваясь властью над телом любимой женщины. Её дыхание стало хаотичным, рваным, и она закрыла глаза, пряча от меня взгляд. Я знал, что в этот момент она борется с собой и прокликает своё тело за предательство.

Наклонился к её лепесткам и прошёлся по ним языком, застонав от пряного вкуса на языке. Она дёрнулась, как от удара тока, и еле слышно всхлипнула. Нашёл языком клитор и обдал своим дыханием. Затем дотронулся до него кончиком языка и втянул в рот. Дарина неосознанно выгнулась и сдавленно застонала.

– Ненавижу..., – её голос походил на хриплое рыдание, все еще вздрагивая и задыхаясь, – не прощу тебе этого...не прощу...

"Не прощу..." – как будто серной кислотой плеснули в район груди. Да, нет, милая, ты –то, может, и простишь...Мне бы самому суметь простить себя после всего. Но вслух, приподнявшись на руках и устраиваясь между её ног, выдал насмешливо:

– А мне от тебя не нужно прощение. Я пришел к моей шлюхе, а не на исповедь к батюшке!

Сказал и вошёл в неё одним движением. Мы застонали с ней одновременно и замерли, глядя друг другу в глаза. Она рванулась ко мне навстречу, обхватывая шею руками и приподнимая бёдра. Доли секунды наслаждался жаром её лона, а потом начал двигаться. Зло. Бешено. Таранил её плоть, чувствуя, насколько неистово она отвечает.

Её глаза горели страстью. Страстью и яростью. Ненавидь, малыш, ненавидь. Но не своё тело, а меня. Оно не предаёт тебя, оно просто не может лгать. Это я предатель.

Стиснул зубы, заметив катящиеся по щекам слёзы опустошения, сдерживаясь от дикого желания слизать их.

– Ты...убиваешь меня...Максим...ты убиваешь...нас...снова...зачем?

Её голос звучал сдавленно, глухо. Рванул вперед, следя за тем, как закатываются её глаза, впиваясь пальцами в бедра, насаживая её на себя и жёстко вонзаясь в мягкое тело. Так глубоко, насколько мог. Почувствовал, как судорожно сжимаются мышцы влагалища вокруг члена, а по моему телу пробегает дрожь острого наслаждения. Не успел в полной мере ощутить её оргазм, как меня с головой накрыл собственный. Зарычал, в последний раз толкнувшись в неё и кончая внутри, клеймя, доказывая себе и ей, кому она принадлежит. В первый раз за все эти десять лет после секса с Дашей я не чувствовал ни удовлетворения, ни радости, ни ненависти... Только опустошение, разливавшееся по венам. Поднял голову и, посмотрев в глаза, произнёс:

– Все давно мертво, Дарина...и ты это знаешь!

Она закрыла глаза, сворачиваясь калачиком на постели и еле слышно прошептала:

- Теперь умрет даже то, что еще едва-едва дышало.

Я молча слез с постели, не отвечая на реплику, застегнул ширинку и подошёл к шкафу. Открыл двери и начал скидывать на пол всю одежду. Дёрнул ящики комода и, достав оттуда нижнее бельё, бросил на кровать. Дарина в негодовании вскочила с кровати.

- Прикройся! - Бросил ей и направился к двери. Там велел охраннику позвать экономку. Когда в комнату вошла высокая сухопарая женщина, холодно приказал:

- Обыскать каждое чёртово платье, всё нижнее бельё, трусы, носки, чулки.

- Что искать, Господин?

- Всё, что покажется подозрительным. Найдёшь - передаешь Денису. Дэн, -окликнул охранника, маячившего за дверью, - если вдруг в личных вещах Госпожи будут обнаружены какие-либо подозрительные вещи, неважно какие, ты изымаешь их и сообщаем напрямую мне!

Охранник кивнул и вышел. Я отпустил взглядом экономку и повернулся к Дарине.

- Раньше ты была в этом доме хозяйкой, но после своего поступка ты будешь здесь пленницей. Без права голоса и свободы перемещения. Днём рядом с тобой постоянно будут находиться охранники или слуги. Не старайся натворить глупостей, Дарина. Мы оба знаем, что я не дам этому случиться. Ты умрешь...старой, прожившей сто лет, бабушкой... и только после меня!

Схватил её за голову и рывком притянул к свои губам. Поцеловал, запоминая вкус её губ и запах тела. Усилием воли отстранился и быстрым шагом вышел из спальни.

Обратно в город я ехал на машине. Позвонил пилоту собственного самолёта, доставившего меня сюда, и отпустил его. Слишком много мыслей роилось в голове после сегодняшних событий, и мне нужно было всё обдумать, прежде чем вернуться к игре.

Всё пошло не так. Сразу. С первых же мгновений. Она была зла на меня. Больше – она ненавидела меня. И теперь это были не пустые слова. Я видел это чувство в её пылающих глазах. А глаза не могут обманывать.

Ещё бы. Кто-то из этих тупоголовых ублюдков не удержал во рту свой поганый язык. Ухмыльнулся, вспомнив, КАК расправился с охраной. С теми, кто сменился в последний раз. Я не стал разбираться, кто оказался болтуном. Выяснил у Дэна имена последних прибывших и вызвал их к себе. Сукины дети насквозь провоняли страхом после того, как поняли, на какой стадии бешенства я нахожусь. Я пристрелил ублюдков. Предварительно отрезав языки. Всем троим. Без слов. Молча. Чувствуя, как Зверь буквально урчит от наслаждения. Наблюдая за их последней агонией и сам варясь в аналогичной. Забавное зрелище видеть, как неистово в диком ужасе молятся Богу создания Ада. Те, кто по моему приказу могли вырезать глаза и выпустить кишки.

Но всё это было после. После её слов о ненависти. После того, как она смешала меня с грязью, заявив, что не видит разницы между мной и другими. После секса. Настоящего. Злого. Быстрого, но от этого не менее крышесносного.

Все эти события калейдоскопом проносились в моей голове, пока я ехал назад. В свой личный ад, созданный мной же самим. Игра продолжается, Зверь, так что стисни зубы и при вперёд дальше!

Глава 5. Дарина. Карина

Я все время находилась в какой-то прострации, словно видела себя со стороны, а ничего не чувствовала. Меня успокаивал свежий ветер и холод. Я могла часами стоять на улице и обхватив плечи руками смотреть в никуда. Холод покалывал кожу, и напоминал мне, что я все еще живая.

Невидящим взглядом смотрела за дорогой, замечала смену охранников и приезд прислуги, но скорее автоматически, чем осознанно.

Когда к дому подъехал черный джип, я даже не обратила внимание.

Я заметила ЕГО не сразу. Скорее не заметила, а почувствовала, как всегда, кожей. Только в этот раз не было всплеска радости, скорее тупая боль. Когда отходит наркоз, чувствуешь примерно то же самое. Вижу его как в тумане и понимаю, что не хочу видеть и в то же время, где-то еще трепыхается та самая унижительная радость...Как брошенная на улице собака по инерции радуется увидев бывшего хозяина...

Пока он говорил, повысив голос я смотрела ему в глаза и скорее слушала, чем слышала его. Он спрашивал почему...Потому что он все же меня доламывает. Потому что в глазах, всех окружающих меня вообще больше нет. Плевать на окружающих, меня нет в моих собственных глазах. Я такая жалкая и ничтожная, что эта жалость просто убивает меня.

А потом заметила, как на его пальце блеснуло обручальное кольцо...не наше обручальное кольцо...совсем другое, и я захлебнулась от боли. Она была такой резкой, что мне захотелось орать и выть.

Зачем я любила его все эти годы? Ради страданий? Я получила их сполна. В нашем прошлом столько боли, что впору нанизывать её на колючую проволоку воспоминаний и обмотаться ею, чтобы впивалась посильнее и не давала забыть кто он Макс Воронов? Мне не суждено было познать с ним полноту счастья. Быть настолько любимой, насколько любила его я. Даже кольцо он надел на палец другой женщины. А ведь, по его словам, я единственная, кто удостоилась чести носить его фамилию – и снова ложь! Я мысленно видела, как развеивается ее белоснежная фата, а я в черном саване, заляпанном моей кровью, которая сочится из моего разодранного сердца. Он таки сломал меня.

Это даже не пытка – это казнь. Медленная и мучительная казнь, смотреть на него и понимать какой он лжец, понимать, что никогда не любил меня, понимать, что между нами никогда ничего не было кроме моей иллюзии.

Каждое его слово больнее удара плетью. Я даже не верила, что слышу все это от него, что он все же выпустил на волю свои истинные эмоции. Унижая и оскорбляя меня, вывернул наизнанку все мои слова.

Я потрогала языком разбитую изнутри щеку и в этот момент Максим разорвал на мне блузку и грубо сжал мою грудь, я задохнулась от осознания насколько далеко он может зайти и от мгновенно вспыхнувшей внутри паники. Особенно когда он положил руку мне на живот и вдавил меня в постель. Но я не хотела и не могла больше его бояться. Все что можно мы уже прошли большей боли, чем он причинил причинить уже невозможно.

После вспышки болезненной и унижительной страсти, которая разорвала меня изнутри на ошметки, пока он показывал мне кому я принадлежу, и кто мой хозяин, я закрыла глаза и отвернулась от него, чтобы он не видел мои слезы и мое сожаление о том, что я все-таки позволила ему доказать мне в очередной раз сколько власти он надо мной имеет. Именно в этот момент в душе начала появляться пустота. Полное омертвление моих чувств к нему.

Он ушел, оставив дверь открытой. Слуги сновали туда-сюда, поднимая вещи с пола, перебирая каждую складку, а я невидящим взглядом смотрела на все это, прижимая к груди покрывало. На полу, возле постели валялись мои разорванные трусики, порванная в клочья блузка. Мои губы все еще кровоточили после поцелуев-укусов и меня пошатывало от слабости и знобило. Ко мне подошел Денис и скинув пиджак набросил его мне на плечи, я инстинктивно завернулась в него и покрывало упало к моим ногам. Увидела быстрый взгляд охранника на багровые следы от пальцев на ноге и одернула юбку. Дэн решительно вышел из моей спальни, а я попятилась назад и присела на краешек постели, глядя как продолжают выворачивать все ящики, мои сумочки и вытряхивать обувь. Меня тошнило и ломало изнутри. Когда из ящика выпал портрет детей и треснула рамка я судорожно сцепила пальцы и закрыла глаза. Я слышала голос Максима, он отдавал приказы внизу, но я не разбирала слов...я понимала, что это предел. Тот самый рубеж, за которым уже невозможно что-то простить и изменить. Предел, за которым моя любовь превращается в пепел. Потом хлопнула входная дверь и вскоре от дома отъехала машина. Внутри не возникло ни одного чувства...ничего. Глухая тишина. Даже боль стала странной острой, изнуряющей, но какой-то по-садистски доставляющей удовольствие. Наверное, вот так умирает любовь. Тогда пусть умирает. Я вытерплю эту агонию. Я не хочу

больше любить Максима Воронова. Я хочу быть свободной. Израненной, сломанной, разодранной на части, но свободной.

Денис вернулся через несколько минут и переступая через ворох вещей направился ко мне подал лед, завернутый в полотенце. Я даже не посмотрела на него и тогда он присел на корточки и приложил ледяной компресс к моей щеке. Я распахнула глаза и посмотрела на него. Если он смотрит на меня с жалостью – я вскрою себе вены тупым ножом, вилкой или перегрызу их зубами. Все слуги, да и этот сторожевой пес Макса прекрасно поняли, что только что произошло в этой спальне. Поняли в очередной раз, что я никто. Мой муж...БЫВШИЙ муж, не церемонясь говорил со мной при них, подчеркивая, насколько шаткое положение у меня в этом доме. Денис стиснул челюсти, продолжая прижимать к моей щеке компресс и вдруг он сказал то, чего я меньше всего ожидала услышать:

– Все будет хорошо...вот увидите...но вы должны жить...вы созданы для того чтобы жить и улыбаться...Поверьте, это закончится. Я вам обещаю.

Я прижала компресс к щеке и судорожно вздохнула. Только для того чтобы жить, сначала нужно умереть. И похоже у Максима получилось. Он убил меня прежнюю. Быстро, безжалостно и жестоко. Больше никогда не будет как прежде. Я превратилась в пепел. Я больше не могу и не стану его любить так как раньше.

Карина

– Что там?

Я пыталась понять, что именно значило напускное безразличие, с которым Авра пожала плечами, протягивая одними пальцами пакет.

– Это то, что тебе нужно будет использовать сегодня.

– Ты серьёзно? – протянула, доставая из него почти прозрачную чёрную ночнушку на тонких бретельках. Воздушное кружево не оставляло никакого

простора для фантазии, предназначенное явно не скрывать тело, а максимально обнажать его.

И вновь раздражённое пожатие плечами и поджатые губы вместо ответа. Женщина с такой ненавистью смотрела на то, как я кручу в руках тёмный кусок ткани, что я бы не удивилась, вспыхни он в моих пальцах. Смешно. Мне казалось, я вижу, как всколыхнуло языками тёмного пламени в чёрных глазах, с каким удовольствием она бы сейчас сожгла в нём меня саму...

- В пакете косметика. Накрасишься, а то бледной молью тут шляешься...какой нормальный мужик позарится...

- Например, твой?

Каюсь, не сдержалась. Не прикусила язык вовремя, хоть и понимала, что в какой-то мере Авра помогает мне...ага, мне. Себе. И при этом старается не упустить лишнего случая уколоть. Но всё же внутренне чертыхнулась, особенно когда тёмные глаза сузились, и она отшатнулась назад.

- До сих пор ему ничего не мешало приходить ко мне...насиловать чуть ли не каждую ночь в этом доме, если ты не знала. Хотя ты же знаешь. Ты в этом особняке знаешь о каждом вздохе, о каждом шаге жильцов. И всё равно пытаешься задеть меня.

Я склонилась к ней, сжимая в руках чёртов пакет:

- Поверь, в этом аду, который ты так привыкла считать своим домом, меня больше невозможно унижить.

Она прерывисто выдохнула и направилась к двери, напоследок бросив свой фирменный высокомерный взгляд.

- Да, до сих пор он каждую ночь приходил насиловать тебя, оставлял взаперти под охраной десятков людей. Если ты включишь свои куриные блондинистые мозги, русская, - твою мать, почему это обращение у нее всегда получается настолько презрительным?- то поймёшь, что тебе нужно сделать всё, чтобы

соблазнить его, чтобы обрести хоть немного свободы. Я уезжаю через два дня к родным на свадьбу. Саид, – показалось, что её голос слегка дрогнул, – останется здесь из-за своих дел, а я задержусь там ненадолго. У тебя появится время, чтобы сделать то, что ты должна.

Сама не заметила, как преодолела расстояние в несколько шагов между нами за долю секунды, и схватила Авру за руку, не позволяя выйти.

– Ты поговоришь со своими братьями? Авра? Ты обещала помочь мне, помнишь?

– А ты думаешь, из-за чего я оставляю своего мужа одного...сейчас?

Она стряхнула мои пальцы со своего запястья и торопливо вышла из комнаты, а я прислонилась к тихо закрывшейся двери лбом.

Сука! Как я ненавижу её! Как же я ненавижу их всех! Каждую живую душу на этой проклятой земле, на которой стоит моя тюрьма. Всех тех, кто видит этот ад, что творит со мной их больной дьявол, и продолжает молчать. И как же я ненавижу ЕГО. Но эта дрянь права. Если я хочу вырваться из этого особняка, я должна завоевать его доверие. Должна заставить его поверить, что смирилась со своей участью...что полюбила его? И больше даже не подумаю о побеге? Это даже не смешно. Боже...это так пошло и глупо. Стокгольмский синдром, романы о котором так любили читать мои подруги. Вот только эти идиотки не подозревают, что невозможно, абсолютно невозможно полюбить того, кто день за днём терзает твою душу, кто имеет твоё тело каждую ночь, щедро приправляя физическую боль куда более невыносимой, моральной. Когда каждое грёбаное утро просыпаешься с одной только угрюмой мыслью, что ты всё ещё жива. К сожалению, ты всё ещё дышишь, а значит, всё ещё сможешь чувствовать эту безграничную агонию от унижения, которым закончится грядущая ночь. И так бесконечно. Ночи с чудовищем, что рвало тело снаружи, плавно перетекали в утра с таким же монстром, разрывавшим сознание изнутри. И кажется, не было ни единого шанса на то, что этот кошмар скоро закончится. Вообще может закончиться.

Пальцы сжали чёртово кружево с силой. Хватит ждать помощи извне, Карина! Авра права, будь она проклята! Я должна помочь себе сама.

Я ждала его...Боже, я на самом деле сидела на своей постели и ждала Саида Нармузинова. Ждала и в то же время отчаянно молилась, чтобы он сегодня не пришёл. Потому что боялась, потому что подсознательно понимала, что не смогу. Чёрт, ну какая из меня актриса? Макс, да и Дарина всегда на раз раскусывали мою плохую актерскую игру. Единственный, кто часто попадался на ней, это отец. То ли из-за родительской любви не замечая ее, то ли упорно делая вид, что верит. И теперь я вдруг отчетливо осознала: я не смогу. Сидя напротив трюмо с большим зеркалом, в которое так любил смотреть проклятый Нармузинов, вбиваясь в меня сзади, вбиваясь пальцами в мои волосы и заставляя смотреть на нас, рыча в самое ухо, какое наслаждение он получает, грязно трахая вороновскую дрянью...я не смогу перебороть эти воспоминания, вспышками оглушающие сознание, я просто не смогу достоверно сыграть даже смирение...о каком влечении или любви может идти речь? Зачем я вообще накрасилась? Как идиотка...Этот ублюдок точно не был настолько придурком, чтобы поверить, что после вчерашних слов о ненависти к нему, сегодня я добровольно лягу в его постель.

Подскочила к зеркалу и принялась яростно стирать влажными салфетками косметику с лица.

И вздрогнуть, услышав негромкое:

– Правильно делаешь, больше не красься.

Рука замерла на щеке, а сердце заколотилось от страха. Этот его голос...низкий, с легким акцентом. Кажется, он каждый раз пробирается под кожу, заставляя затаиться в ожидании очередной порции боли.

Посмотрела через зеркало, и сердце камнем скатилось куда-то вниз, в живот, оцепенело, даже не трепыхаясь от ужаса. Стоит, прислонившись к косяку двери плечом, сложив руки на груди. Невольно отметить, как натянулись рукава чёрной рубашки от его позы, обтягивая мускулы. Склонил слегка вбок голову и прожигает нечитаемым тёмным взглядом. Скользит им медленно сверху вниз по моей спине, чтобы потом резко перевести его в зеркало, на моё лицо, заставляя вцепиться онемевшими пальцами свободной руки в трюмо.

Несколько мгновений тишины, в которой я едва не оглохла от собственного оглушающего дыхания. Пожалуйста, только не подходи. Только не сегодня...и нервно сглотнуть, когда этот монстр, ухмыльнувшись, словно отчётливо услышал мою мысленную просьбу, шагнул в комнату, закрывая за собой дверь. Медленно подошёл ко мне и остановился прямо за спиной. Так близко, что стоит податься назад, и я упрусь в его грудь. Поднял руку и, не отрывая тёмного взгляда от моего в зеркале, одними пальцами коснулся кружева на спине, вынуждая слегка выгнуться, податься вперёд, чтобы избежать контакта.

– Мне нравится.

Коротко. Почти безэмоционально...если бы только мне хватило сил отвернуться, не успеть увидеть, как на этих словах будто ещё больше увеличились его зрачки.

– Встречай меня всегда так.

Приказным тоном...впрочем, когда монстр разговаривал со мной иначе?

– Обойдёшься.

Это получилось автоматически. Будто во мне стоит какая-то чёртова программа, не позволяющая вовремя прикусить язык, собратся, напомнить себе, что я должна соблазнить его, а не отталкивать.

Правый уголок тонких губ слегка дёрнулся кверху.

– Тогда для кого ты оделась так сегодня?

Судорожно сжать собственные пальцы, умоляя себя же не дерзить. Это чудовище так редко разговаривает со мной. Обычно оно рычит свои проклятья и оскорбления, насилуя и не опускаясь до разговоров. Сегодня что-то изменилось. И это твой шанс, Карина. Сегодня ему почему-то интересно спрашивать...иначе не смотрел бы так, слегка нахмурившись, прожигая даже в отражении своей тьмой.

– Просто так.

Чёрная бровь взметнулась кверху, пока кончики пальцев очерчивают узоры на ткани сзади.

– Мне...мне стало скучно. Мне же нечем заняться, – заставить себя пожать плечами и отвернуться от Нармузинова, вернуться к собственному лицу и продолжить тереть его салфеткой, – вот...захотелось.

Всего один короткий шаг. Один. Короткий. Шаг. И монстр нависает надо мной сверху, касаясь своей грудью моей спины, заполонив собой всё пространство вокруг и выбив весь воздух из лёгких.

– Стирай. Тебе не идёт.

Смуглые пальцы перехватывают мою руку, сжимая её сверху и проводя белой тканью по линии скул.

– Не люблю косметику на лице.

Сглотнуть, ощущая себя в этой ловушке тем самым зайцем, попавшим под прицел удава. Боже, как же не хватает воздуха, когда этот монстр так близко...

– Очень жаль, что я не знала раньше...красилась бы каждую ночь. Для тебя.

И вновь усмешка одними уголками губ.

– Вновь дразнишь меня. Зачем? Так нравится боль? Моя ярость? Я же могу уничтожить тебя вот так, – демонстративный щелчок пальцами, – сожрать тебя. Прямо сегодня, Воронова.

– Подавишься, Нармузинов.

Глава 6. Дарина

В моей комнате навели стерильность, убрали и сложили все вещи, вымыли пол. Вместо ожидаемого презрения слуги стали меня бояться. Я знала почему, после отъезда Макса приезжали его люди и вывезли два трупа охранников. Я смотрела на их тела с каким-то странным равнодушием. Во мне не всколыхнулась жалость или сожаление, я просто провела взглядом носилки, а потом и отъезжающий минивэн.

Прошло два дня. Несмотря на приказ я не почувствовала усиление охраны, наоборот меня избегали, старались лишней раз не сталкиваться, не попадать на глаза. Они решили, что я виновата в смерти охранников. В какой-то мере они правы. Виновна. Только это ничего не изменит. Они мертвы, и я им завидую. Им уже не больно, не страшно, не холодно.

Я подошла к шкафчику у зеркала и открыв ящик достала портрет детей, долго смотрела на их лица, поглаживая большим пальцем. Внутри снова поднималась волна отчаяния.

– Вы должны поесть.

Вздрагнула от неожиданности и обернулась. Денис принес поднос с завтраком.

– Я стучал. Вы не отозвались.

Он подошел ко мне и протянул поднос.

– Поешьте. Вы не ели больше двух суток. Это опасно. Мне придется доложить об этом, понимаете? Я обязан.

Да, я прекрасно его понимала и понимала, что он имеет в виду. Я не хотела, чтобы Макс приехал еще раз. Искренне не хотела. Видеть его, слышать это все равно что переживать все снова и снова. Я взяла из рук Дениса поднос, поставила на стол. Отломала кусок французской булочки, надкусила и осушила стакан апельсинового сока.

Отвернулась и снова устремила взгляд на портрет.

– Вам нужно выходить иногда на воздух. Развлекись.

Я усмехнулась. Развлекись? Где? В этой тюрьме? Где даже цветы не растут и все похоже на военный полигон? Впрочем, почему это его волнует? Ему какая разница и почему он вообще со мной разговаривает? Не боится умереть?

– Здесь есть конюшня. Несколько скаковых жеребцов. Их привезли еще до того, как вы приехали. Никто не знает, как правильно за ними ухаживать, про них все забыли. Вы могли бы...посмотреть и...

Я резко повернулась к нему.

– Зачем тебе это? Зачем ты ходишь за мной? Разговариваешь? Что тебе надо, Денис? Показать Хозяину как ты стараешься?

Парень посмотрел мне в глаза и тут же отвел взгляд.

– Нет...просто...я привык видеть вас совсем другой.

Я снова усмехнулась. Привык.

– Может быть в следующий раз, Дэн.

Он мне мешал, я хотела остаться одна, спрятать свои эмоции не показывать им насколько мне больно.

– Я помню насколько вы любите лошадей. Просто посмотрите на них, дайте указания конюху. Похоже этот болван совершенно не знает, как с ними управится. – Один из жеребцов при переезде поранил ногу, никого не подпускает себе. Хозяин приказал пристрелить если с ним не справится ветеринар.

Я снова посмотрела на парня. Меня удивляла его настойчивость.

Несколько секунд раздумывала, а потом кивнула. Пусть покажет.

Мы вышли на улицу сегодня, как ни странно, светило яркое солнце и небо казалось ослепительно синим и снег искрился на солнце.

Когда я увидела красивых породистых скакунов я на секунду забыла обо всем. Я восхищенно смотрела на этих животных и сердце замирало от восторга.

В одном из вольеров метался белый конь, он злобно храпел и вращал глазами.

- Его застрелят завтра на рассвете, если он не даст себя усыпить.

Я даже не расслышала что он говорит, подошла к вольеру и потянула щеколду.

- Не подходите к нему это опасно.

Я все же раскрыла дверцу и услышала сухой щелчок затвора. Дэн взял коня на прицел. Я зашла в вольер и посмотрела на животное. Увидела страх в его глазах. Вселенский ужас и боль. Опустила взгляд к его стройной ноге, залитой кровью и снова посмотрела жеребцу в глаза.

- Эй...тихо...тебя никто не обидит.

Конь вздрогнул от звука голоса и повел ушами. Я сделала один шаг, и он взвился на дыбы. Я подняла руку вверх, показывая Дэну не стрелять.

- Я не трону тебя...не трону. Просто хочу посмотреть.

Я сделала еще один шаг и протянула руку - жеребец вжался в стену, содрогаясь всем телом. Когда я коснулась его гривы, конь фыркнул. Я осторожно провела ладонью по его мощной шее, между ушами.

- Какой ты красивый...ты просто нереальный красавец.

Я говорила и гладила серебристую гриву, приближаясь все ближе, пока не подошла к коню вплотную.

- Просто тебя поглажу...и все. Ничего больше. Ты позволишь?

И он позволил, а когда я убрала руку потянулся за ней и ткнулся в нее шершавым носом.

Я усмехнулась и потрепала его по шее. Резко обернулась и увидела, как Дэн смотрит на меня опуская пистолет. Станный взгляд. В карих глазах блестело восхищение, такое удивительное выражение глаз, как будто он видит чудо. Я опустилась на корточки и посмотрела на ногу животного, внизу ближе к копыту торчал кусок ветки. Осторожно вытянула его и завязала ранку своим платком. Все это время жеребец не двигался и только фыркал. Я поднялась и снова потрепала коня по шее.

- Вот так мой хороший...ты молодец...такой чудесный мальчик...

Я повернулась к Дэну.

- Вот и все. Это было быстро. И врач уже не нужен.

- Верно. Очень быстро.

Он странно на меня смотрел, а потом вдруг тихо сказал:

- Вы не должны все это терпеть.

Я нахмурилась...

- Я не понимаю, о чем ты.

- Такое отношение. Не должны...

Я быстро прошла мимо него и пошла к выходу из конюшен.

– Вы сестра Графа, вы не какая-то там.... Вы можете обратиться к брату за помощью.

Я резко обернулась и усмехнулась.

– Каким образом? Я отрезана от мира. Вы стережете меня как церберы, следите за каждым моим шагом.

Глаза Дэна вспыхнули, и я слегка попятилась назад.

– Если бы у вас появилась возможность вы бы хотели уйти от него? Уехать из этого дома?

Я решительно прошла мимо и вышла на улицу, он догнал меня.

– Вы бы хотели, Дарина?

Остановилась и тяжело вздохнула.

– Я реально смотрю на вещи, Дэн. Не знаю зачем ты спрашиваешь, или тебя подослали спросить, но – да. Я бы хотела этого больше всего, хотела бы уйти отсюда. Скажу больше – я готова отсюда ползти на животе, готова отсюда уйти в гробу. Да ты и так об этом знаешь.

Пошла вперед, но Дэн снова меня догнал.

– У вас есть такая возможность.

На секунду мне показалось, что мое сердце перестало биться, и я стиснула руки, сплетая пальцы.

– Каким образом? Это невозможно. Я вообще не понимаю зачем ты со мной об этом говоришь и чего добиваешься.

Он вдруг схватил меня за руку, и я смирила его гневным взглядом, тут же отнял ее.

– Поэтому я привел вас сюда. Здесь нет жучков. Только камеры. Когда я слышал, как вы кричали и плакали, а потом остановил вас, когда вы хотели..., – голос дрогнул, – когда вы хотели себя убить. Я понял, что обязан вам помочь.

– Зачем это тебе? Зачем? Хочешь умереть? Или ты просто издеваешься надо мной?

Парень отрицательно качнул головой:

– Я просто хочу, чтобы вы снова улыбались, Дарина...Когда вы улыбаетесь все оживает вокруг.

Я с недоверием смотрела на него и постепенно начинала что-то понимать...постепенно вдруг увидела все другими глазами. За десять лет брака я никогда не обращала внимания на взгляды других мужчин...их не существовало для меня, они были бесполоыми существами...в моей жизни был только один мужчина и я искала и видела только его глаза. Но сейчас...когда я смотрела в лицо этому парню я вдруг поняла, как понимает каждая женщина безошибочным внутренним чутьем, особенно когда она сама равнодушна...понимает, что безумно нравится мужчине.

– Не говори со мной об этом Дэн. Даже у стен есть уши. Я не хочу, чтобы ты пострадал.

– Я могу вывести вас отсюда. Вывести к границе. Я много думал об этом.

Я закрыла уши руками.

– Замолчи. Ты подписываешь нам обоим смертный приговор. Если у нас не получится тебя и меня ждет мучительная смерть. Я не верю, что слышу все это от тебя.

Он вдруг усмехнулся:

– В таком случае вы довершите то, что не смогли и то, в чем я вам помешал. А я сам...я не боюсь смерти...я готов рискнуть...ради вас.

Если Макс узнает хоть о четверти из нашего разговора – Дэн мертвец. Только за этот взгляд он может лишиться глаз или жизни. Я несколько минут смотрела на него, а потом решительно сказала:

– Это безумная затея. Уходи. Я не знаю зачем ты все это мне говоришь. Не понимаю зачем это нужно лично тебе. Мой ответ – нет. Будем считать, что я этого не слышала.

– Это нужно вам... Дарина, а я никогда не был предан вашему бывшему мужу. Подумайте. Это ваш единственный шанс. Меня заменят... скоро. Я знаю об этом и когда я уйду вам уже никто не сможет помочь, и вы прекрасно об этом знаете.

"Бывшему" больно резануло по сердцу, и я невольно прижала руку к груди. В эту секунду я поняла, что если не уйду отсюда, то эта боль меня задушит. Я должна выбраться и вернуть моих детей и кто, как не мой брат сможет защитить меня от Максима. Единственный, кто может ему противостоять – это сам Андрей Воронов. Все остальные бессильны. Дэн ушел, я еще долго смотрела на небо, слушая медленное биение своего сердца. Где-то в глубине души я понимала, что это станет окончательной жирной точкой в наших отношениях с Максом. Это и будет конец всему... Разве я не этого хотела? Разве мысленно я уже не далеко от него? Разве не отпустила его? Отпустила... вырвала с мясом, вместе с куском сердца... но это конец... Мне уже нечего терять. Все что можно я уже потеряла. Даже его... Хотя, он и не был моим никогда. Мне уже не страшно... Я не боюсь.

Догнала Дэна у самого дома и тихо сказала: "сейчас... расскажи мне сейчас". Несколько секунд мы смотрели друг другу в глаза, а потом Дэн кивнул на заснеженную беседку. Я пошла туда, он появился чуть позже, с другой стороны.

Ветви елей заслоняли дверные проемы, скрывая нас от камер наблюдения.

– Как ты хочешь это сделать и когда?

– Как можно скорее. Я вывезу вас на служебной машине, завтра еду в город, мой автомобиль не досматривают, если перед рассветом вы с черного хода проникните в гараж и переждете, утром я увезу вас. Вас начнут искать после десяти утра, когда слуги принесут сменное белье. Когда охрана поймет, что вас нет в доме займет еще минут двадцать. У нас будет фора в два часа. Этого

достаточно чтобы скрыться в лесу, бросить машину и идти через лес к ближайшему городу. Только идти в противоположную сторону от границы. Я заранее забронирую отель. У меня есть кредитка, зарегистрированная на чужое имя и кое-какие сбережения. Мы переночуем там и утром пересядем на другой автомобиль. Мы снова поедem в противоположную сторону. Нас же первым делом начнут искать возле границы. Через сутки, когда нас не найдут, когда снимут оцепление и все силы бросят на наши поиски по отелям и лесу, мы коротким путем доберемcя границы и спрячемся уже в другой стране, пока не удастся выйти на связь с вашим братом. Мне известно, что он скрывается сейчас там. Если все получится, то уже через три дня вы будете свободны, Дарина.

От слова "свобода" у меня задрожали руки... я вцепилась в плечо охранника.

– Хорошо. Хорошо мы сделаем как ты говоришь, только дай мне слово, Дэн...Поклянись, что, если нас поймут – ты пристрелишь меня, потому что обратно я не вернусь. Дай мне слово, и я уйду с тобой.

Он смотрел мне в глаза, и я видела внутреннюю борьбу, как чернеют и светлеют радужки, а потом Дэн нахмурился и тихо процедил сквозь зубы:

– Я даю вам слово.

Глава 7. Дарина

Мы бросили уже вторую машину прямо у обочины. Мне казалось, что я задыхаюсь. Три часа гонки без перерыва. Вначале в минивэне, потом через лесопосадку, пока не прибежали к маленькому "Вольво" и снова лесом. Сердце бешено колотилось в горле. Нет, я не устала, но я вымоталась морально. Я оглядывалась, меня колотило от понимания, что нас не просто преследуют, а ищут так, как никогда и никого не искали, что наши шансы ничтожно малы. Сколько у нас времени? Час? Два? Максимум сутки, но нас догонят. Глупо надеяться, что будет иначе и что Дэн сможет противостоять отряду бандитов с моим мужем во главе. Особенно ему. Мы бросили вызов Зверю, швырнули перчатку в лицо, и он не только его принял, а идет по нашему следу в дикой

злобе и ярости. Выскочив из машины я замерла. Мне казалось, что это никогда не закончится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/soboleva_ul-yana/chernye-vorony-10-nechestivcy

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)